

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
о диссертации Богомазовой Виктории Владимировны
«Коммуникативная категория «чуждость» в судебном дискурсе»,
представленной на соискание учёной степени кандидата филологических
наук. Специальность 10.02.19 — теория языка. Волгоград – 2015 - 221 с.

Актуальность темы диссертации В.В. Богомазовой не вызывает сомнений. Особенности институциональных сообществ в современном мире проявляются, прежде всего, в коммуникации, событийной архитектонике, способах выстраивания «со-бытий» с внешним окружением и внутри себя. Категории «свойственности» и «чуждости» все чаще выступают отправной точкой научных исследований специфики их коммуникативных практик.

Научная новизна исследования состоит, прежде всего, в комплексном исследовании средств и способов актуализации категории «чуждость» в судебном дискурсе, в выявлении и обосновании её конститутивной основы и внутреннего устройства в данном типе общения, исследовании специфики её проявления в практике российского судопроизводства.

Судебный дискурс, как правовой механизм решения социальных конфликтов, отражает базовые социальные репрезентации («своих – чужих» в том числе), адаптируя их к контексту судопроизводства. Вместе с тем, специфика проявления данных представлений в коммуникативных судебных практиках ещё не была предметом пристального внимания лингвистов.

Теоретическая значимость исследования состоит в развитии коммуникативной лингвистики и теории дискурса. Вклад автора в развитие дискурсивной парадигмы исследований составляют: 1) разработка и апробация теоретических коммуникативно-ролевых моделей реализации категории «чуждость» в судебном дискурсе; 2) определение строения коммуникативной категории «чуждость», конституирующих её категорий (агональности и ритуальности) в судебном дискурсе; 3) выявление специфики и систематизация её презентационных средств и способов актуализации в коммуникативном поведении участников судебного дискурса.

Сформулированная автором гипотеза, положения, выносимые на защиту, нашли аргументированное подтверждение в процессе анализа достаточно объёмного, репрезентативного и разнообразного материала (фрагменты более 100 судебных заседаний (стенограммы, видеофрагменты), данные интернет-сайтов, интернет-форумов, текстовые фрагменты художественной и публицистической литературы) и, следовательно, являются доказанными.

Исследование обладает **практической значимостью**. Его материалы найдут применение в лекционных и практических курсах по общему языкознанию, теории дискурса, юридической лингвистике, социолингвистике, лингвокультурологии, стилистике и др.

Работа системна, хорошо структурирована, общая стратегия исследования отражена в описании цели и задач, в соответствии с которыми построена её композиция. Диссертация состоит из введения, двух глав, сопровождаемых выводами, заключения, библиографии и приложения.

В первой главе автор использует междисциплинарный обзор исследуемой проблемы, который даёт представление о степени её исследованности. Изложение ведущих научных идей сочетается с их содержательным анализом, формулированием собственных позиций, которые проверяются, уточняются и дополняются во второй главе. Автор рассматривает категорию «чуждость» как обладающую собственными средствами выражения и собственным содержанием, в основе которого - архетипическая оппозиция

«свой – чужой». Подчёркивает прагматическую сущность данной категории, её сложное строение и разнообразную экспликацию в языке.

Автор анализирует лексическую семантику, фразеологические обороты, задающие семантические поля ключевых концептов наивной картины мира («свой» - «чужой»); дейктические слова, морфологические, синтаксические средства реализации оппозиции «свой – чужой». При рассмотрении данных единиц, автор обращает внимание не столько на ряд особенностей наивной психологии, сколько на общность и специфику технологий её эксплуатации в институциональных типах общения – политическом, религиозном, медийном, юридическом, т.е. наиболее влиятельных формах публичного дискурса. Автор выделяет критерии ранжирования на «своих» и «чужих» участников данных типов общения, предлагает статусно-оппозиционные модели (стр. 58, 59, 61, 62, 72), анализирует на примерах особенности их экспликации, что представляется ценным.

Важным является наблюдение автора о различных возможностях трансформации оппозиции «свой – чужой» и вариативности сценариев её реализации («свой среди чужих» и «чужой среди чужих», «свой среди своих» и т.п.), в том числе в направлении сближения (стр. 34). Данное наблюдение соответствует получающей всё большее распространение в мире риторике публичного дискурса, заключающей в себе негативное отношение к эксклюзивным социальным практикам, стремление к примирению конфликтных социальных групп через создание ситуации диалога. Это особенно актуально в контексте решения правовых споров посредством примирительных процедур, ориентированных на коммуникацию. С данных позиций, категории «чуждость» и «свойственность» представляются ценными инструментами изучения оценочных моделей событий и отношений в национальных судебных дискурсах, а также инструментами преодоления ментальных программ. Рассмотрение данных категорий с такой точки зрения – наше пожелание Виктории Владимировне Богомазовой в качестве одной из актуальных перспектив научного исследования.

Вторая глава, направлена на исследование того, как оппозиция «свой – чужой» существует в контексте судопроизводства, как категория «чуждость» конституирует и проявляет себя в процессе отстаивания прав, вынесения приговоров и т.п.

Автор исследует вербальные маркеры чуждости (местоименные слова, дейктические и полнозначные знаки - дистантивы, показатели недоверия и умаления значимости и др.), а также невербальные (кинетические, фонационные, мимические средства, актонику судебного дискурса). Обращение к вербальным, просодическим, визуальным средствам судебного взаимодействия согласуется с современным научным взглядом на дискурс как мультимодальный по своей природе.

При исследовании ритуальной составляющей дискурса (стр. 96-105), интерес вызывает своего рода наложение автором оппозиций «внутреннего - внешнего» и «своего - чужого», характеристик пространства и характеристик участников дискурса. Прослеживание того, как пространство, наделяет значением институциональные отношения, и, наоборот как эти отношения проецируются на пространство зала суда в судебном ритуале.

Достоинством работы является также выявление и анализ знаков агональности судебного дискурса, реализующих коммуникативную категорию «чуждость» (показатели дистанцирования, умаления значимости, недоверия, индикаторы личного дейксиса, негативно-оценочные номинации, перформативные формулы и т.п.) и образующих обширную группу.

Особый интерес представляют предложенные автором и апробированные на обширном материале модельные диады «своих» и «чужих» в судебном заседании, структуры демонстрации чуждости (защитник → обвинитель, защитник → судья, защитник → свидетель; судья → защитник, судья → обвинитель, судья → свидетель, обвинитель → защитник, обвинитель → свидетель). Автор выявляет и анализирует разнообразные агональные стратегии и тактики, реализующие коммуникативную

категорию «чуждость в выделяемых им диадах». Приложение представляет собой систематизацию установленных автором способов актуализации исследуемой категории в судебном дискурсе.

Вопросы и замечания

1. Категоричным представляется утверждение автора о том, что «ритуал ведения судебного заседания предполагает обязательное наличие противостоящих сторон, которые ведут активную борьбу своих точек зрения в суде».

Позиции сторон могут в той или иной степени совпадать, более того, они могут меняться, не обязательно являясь жёсткими. Но даже при поляризации позиций сторон судебный процесс не обязательно развёртывается как их активное противостояние. В ряде случаев можно, например, наблюдать пассивность защиты, что может быть также тактическим ходом. и др.

2. Автор говорит о том, что именно «председательствующий априори по своему статусу является *чужим* как по отношению к стороне обвинения, так и к стороне защиты, не проявляет [не должен проявлять] какой-либо симпатии / антипатии ни к одной из сторон» (стр. 98). Но может ли адвокат в работе с клиентами руководствоваться собственными симпатиями и антипатиями, или обвинитель, осуществляя доказательственную деятельность, или свидетель в ходе показаний и т.д.? Не означает ли очевидный ответ на этот вопрос, что в идеальной модели состязательного дискурса все должны быть чужими?

3. На наш взгляд, объединение защитника (адвоката) и подзащитного в группу «своих» (см.: стр. 99 - схема 1), а также своего рода отождествление защитника и подзащитного, стр. 107, 116 и др.) свойственно скорее обиходным представлениям. В качестве примером такого таких представлений может выступать высказывание-отстранение Плиевых - родственников погибших в Беслане - от Плиева - адвоката Кулаева: *«Вы поверьте! Наверное, Альберт Плиев из чужих. Такая фамилия встречается в Ингушетии и Чечне. Осетин не мог согласиться защищать убийцу...» («Известия»).*

Аналогичным представляется объединение потерпевшего и представителя обвинения в группу «своих».

4. На стр. 119, 151 автор говорит о том, что свидетель стороны обвинения является процессуально *чужим* для стороны защиты, а свидетель стороны защиты, процессуально *чужим* для стороны обвинения. Разделение свидетелей на «своих» и «чужих» представляется условным, так как в ходе допроса показания «своего» свидетеля могут оказаться желательными для процессуального противника и использоваться им при обосновании своей позиции и, наоборот, «чужой» может превратиться в «своего». «Свой» или «чужой» свидетель – на наш взгляд, скорее зависит от профессионализма агентов дискурса.

5. Свидетельствуют ли выявленные автором особенности дискурсивных практик о социальном неравенстве в российских судах (прослеживается ли зависимость отношения и выбора средств от гендерных, расовых, социально-статусных характеристик лиц, подлежащих рассмотрению), дискурсивном неравенстве сторон (наблюдается ли асимметрия реальной возможности реализации коммуникативных ходов, наличие прямой интеракциональной дискриминации и т.п.)?

Поставленные вопросы и замечания являются приглашением к дискуссии, нацелены на уточнение позиции автора, а также на расширение круга обсуждаемых в диссертации проблем.

В заключении подчеркнём, что содержание диссертации свидетельствует о том, что используемые методы и приёмы научного исследования оказались достаточно эффективными, намеченная автором цель достигнута, поставленные автором задачи решены.

Автореферат и авторские публикации в научных журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, с достаточной полнотой отражают основные результаты исследования, апробированные также на конференциях разного уровня.

Диссертация В.В. Богомазовой является самостоятельным, оригинальным, завершённым исследованием теоретически и практически актуальной проблемы, выполненным в соответствии с требованиями ВАК, предъявляемыми "Положением о присуждении ученой степени" (в редакции постановления Правительства РФ от 24.09.2013 г., № 842) к кандидатским диссертациям, а её автор заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка.

Доктор филологических наук, доцент,
доцент кафедры романо-германской филологии
Института филологии и межкультурной коммуникации
Волгоградского государственного университета
Ирина Владимировна Палашевская

11 июня 2015 г.

400062, г. Волгоград, проспект Университетский, 100
рабочий телефон: (8442)40-55-25
e-mail: english@volsu.ru

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Волгоградский государственный университет»

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ

доктора филологических наук, доцента Палашевской Ирины Владимировны
по теме диссертации Богомазовой Виктории Владимировны
«Коммуникативная категория «чуждость» в судебном дискурсе» с 2011 г.

1. Палашевская И. В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность. Волгоград: Парадигма, 2012. 346 с.
2. Палашевская И. В. Судебный дискурс: правовой сюжет – судебная фабула - текст // Дискурсивное пространство современного мира. Saint-Louis, MO, USA: Publishing House Science and Innovation Center, 2014. С. 44-73.
3. Палашевская И.В. Судоговорение: состязательный и персуазивный аспекты // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. «Лингвистика и Межкультурная коммуникация», - 2011. - №1. - С. 137 – 141.
4. Палашевская И. В. Событие преступления: признаки и презентация // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. «Филологические науки». – 2011. - № 5 (59). - С. 18-22.
5. Палашевская И. В. Жанровая организация юридического дискурса: социолингвистический подход // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. «История и филология». – 2012.- Вып. 2. – 146 – 151.
6. Палашевская И. В. Нарративная организация судебного дискурса // Инициативы XXI века. 2012. №3. – С. 155 - 159.
7. Палашевская И. В. Судоговорение: мимодрама и повествование // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: ежегод. журнал. – Владикавказ: Сев.-Осет. гос. ун-т, 2011. – Вып. XIII. – С. 156 – 163.
8. Палашевская И. В. Сюжетно-фабульная функция юридического дискурса (на примере дискурса уголовного судопроизводства) // Языковая и речевая коммуникация в семиотическом, функциональном и дискурсивном аспектах: материалы междунар. науч. конф. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. С. 297 – 301.
9. Корреляции статусных позиций участников судебного дискурса // на пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания: сб. ст. Киров: Изд-во ВятГУ, 2013. С. 100-105.
10. Импликатуры смыслов судебных показаний // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: материалы междунар. науч. конф. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2013. С. 168-173.

Учёный секретарь ВолГУ

Н. В. Лисовская

